

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Хорватский вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. 1918–1929 гг.

Отечественные историки, а также представители сербской и хорватской историографических школ традиционно сводят хорватский вопрос в Королевстве СХС к деятельности Хорватской (республиканской) крестьянской партии, часто устаивающей эпитета «народное движение». С сербско-хорватскими отношениями, «сербско-хорватским конфликтом» отождествляются ее взаимодействие с сербскими партиями, и прежде всего с Народной радикальной партией, которую тоже называют выразителем интересов всего сербского народа. Нельзя не увидеть уязвимость таких обобщений. Если партии суть «народные движения», как оценивать их идеологическую непоследовательность и склонность к созданию неожиданных альянсов? Либо эти качества соответствовали аналогичному непостоянству масс, либо партийные руководители иной раз руководствовались не народными устремлениями, более-менее устойчивыми, а побуждениями личными и своих организаций? Уязвимость отождествления партийных склок со «спором славян между собою» побуждает сузить угол рассмотрения хорватского вопроса до феномена политической жизни. Это не означает, что нельзя проследить связь между происходившим на политической арене и межнациональными отношениями. Перипетии политической жизни служат отражением настроений масс. Полнота представлений о них ограничена отсутствием объективных и достоверных данных, на основании которых было бы допустимо сделать корректный вывод о подлинных настроениях масс, об отношении друг к другу разных групп населения, поэтому межпартийную борьбу можно считать как основным индикатором остроты сербско-хорватских противоречий, так и фактором оных.

Ключевые слова: Степан Радич, Светозар Прибичевич, Никола Пашич, Хорватская республиканская крестьянская партия, Крестьянско-демократическая коалиция, межнациональные отношения

Статья поступила в редакцию: 3 июня 2024 г.

Статья принята в печать: 18 июля 2024 г.

Цитирование: Силкин А.А. Хорватский вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. 1918–1929 // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 178–214. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.6>.

С 1920-х годов одним из главных факторов эволюции/деградации Югославии считается так называемый хорватский вопрос. Объем накопленных знаний о нем еще в начале 1980-х годов, казалось, позволял советскому славяноведению сформулировать вывод, неутешительный для тех, кто претендует на новизну и оригинальность:

О значении “хорватского вопроса”, точнее говоря, сербо-хорватских противоречий в политической жизни Югославии <...>, имеется обширнейшая литература, и место и роль этих противоречий <...> выяснены с достаточной полнотой¹.

Тем не менее спустя 40 лет мы вправе перепроверить утверждение Владимира Владимировича Зеленина (1920–1998), благо с тех пор выросла «обширность» трудов, а также введено в оборот немало новых источников. На их основании приходится констатировать и у современников событий, и у поздних исследователей, описывающих одну и ту же канву событий, отсутствие консенсуса относительно того, как определять хорватский вопрос и на каких его аспектах следует в первую очередь акцентировать внимание.

С вышеприведенной трактовкой согласились бы германский и британский посланники, находившиеся в Белграде в начале 1920-х годов. В марте 1922 г. Фридрих фон Келлер (1873–1960) упоминал обострение хорватского вопроса в числе «разных прискорбных моментов во внутривнутриполитической и экономической жизни государства СХС», к которым также относились «транспортные проблемы, падение динара» и т. д.² Не давая точного определения, фон Келлер в 1920–1922 гг. пишет о «сербско-хорватском антагонизме»³ и «ненависти хорватов по отношению к сербам», находившей выражение в деятельности Степана Радича (1871–1928). О последнем немало говорится и в отчете о положении в Югославии в 1921 г., предназначенном руководству *Foreign Office*. Указывая, что Радич «воспользовался общим недовольством сербской властью в Хорватии», сэр Албан

¹ Зеленин 1984: 75.

² *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. Izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika 1920-1941. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 2020. Knjiga 1. 1920–1929. S. 127.

³ *Ibid.* S. 129, 69.

Янг (1865–1944) начал параграф «Хорватский вопрос» с изложения позиции представителя противоположной стороны «антагонизма»:

По мнению архикалужанина и ассимилятора г. [Светозара] Прибичевича — серба из Хорватии, «хорватский вопрос не существует. Все мы югославы (убежден Прибичевич. — А. С.). Кто думает иначе, тот — сепаратист, проавстриец, <...> враг государства»⁴.

Более умеренные приверженцы идеологии югославизма — хорваты-далматинцы Иво Тарталья (1880–1949) и Иво Колбе (1885–1944) — признавали существование «вопроса», хотя и отрицали наличие в стране принципиальных межэтнических противоречий. По словам многолетнего мэра Сплита:

[X]орватский вопрос есть не что иное, как часть целого комплекса проблем, которые возникли как результат борьбы за конституцию, вследствие существующей политической системы, партизанского правящего режима, катастрофической финансовой и экономической политики и вообще всех элементов, присущих нашей государственной администрации. <...> Этот комплекс проблем вызвал по всему нашему королевству <...> недовольство и протест, которые в Хорватии и Славонии, в силу относительно более развитого индивидуализма, нашли выражение в виде особого хорватского вопроса⁵.

Колбе в 1922 г. писал о «тяжелом административном кризисе» (отсутствии «честного и точного аппарата управления»), а также о «культурном кризисе, который начал распространяться из Белграда в результате введения партизанства во все сферы жизни»⁶. «Первый, кто закричал “это покушение на хорватство!”», стал пророком. После этого потребовался только шаг, чтобы сформировался хорватский фронт. <...> Так из общенародного вопроса вычленился отдельный хорватский», — гласила статья в загребском *Nova Evropa* («Новая Европа»).

⁴ *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu. Beograd, Zagreb: Arhiv Jugoslavije, Globus, 1986. Knj. 1 (1921–1930). S. 44.

⁵ *Тарталья И.* Анкета о српско-хрватским односима // Српски књижевни гласник. Нова серија. Књига VI. Број 1. Београд. 1 Мај 1922. С. 37.

⁶ *Колбе И.* Југославија у кризама // *Nova Evropa*. Knjiga IV. Broj 7. Zagreb. 1 marta 1922. S. 196, 195.

Представители «партизанского правящего режима», понятное дело, с такой оценкой не соглашались. Например, деятель сербской Народной радикальной партии (НРП) Лазар Маркович (1882–1955) корень проблемы видел в «абстиненции хорватов от любого позитивного участия в активной государственной жизни»⁷. Так понимаемый хорватский вопрос по степени деструктивного воздействия опережал коммунистическое движение, авторитарные наклонности короля Александра Карагеоргиевича (1888–1934), разногласия сербских партий и т. д.

Несмотря на различия в трактовке интересующего нас феномена, процитированные выше современники событий сходились в том, что он существовал неотрывно от прочих, по словам Л. Марковича, «ненормальных и удивительных явлений, <...> главных противоречий, определявших ситуацию внутри страны». Иной подход доминирует в современной хорватской историографии. Для большинства ее представителей хорватский вопрос в Королевстве СХС/Югославия представляет интерес не как проблема взаимоотношений с братским сербским народом или как фактор государственного развития/деградации, а как очередной этап собственного национально-освободительного движения, начавшегося еще в Австро-Венгрии⁸. Стипе Кляич в книге «Никогда больше Югославия» написал:

Хорватский вопрос со своей нерешенной в Монархии судьбой получил продолжение после 1918 г. Поэтому вся хорватская политика в 1918–1941 гг. осуществлялась под знаком *национального вопроса* (курсив мой. — А. С.). Будучи ключевой проблемой, обременявшей существование всего Королевства Югославия, национальный вопрос в своем особом измерении может рассматриваться как хорватско-сербский спор⁹.

«Хорватский вопрос представляет собой символ и квинтэссенцию борьбы против невыносимого положения — не только политико-правового, но и социально-экономического»¹⁰, — утверждала немецкий автор хорватского происхождения Мари-Жанин Чалич, которую

⁷ *Марковић Л.* Одолмци из «успомена» (1925–1926) // Никола Пашић у Народној скупштини. Београд: Службени лист СРЈ, 1998. Књ. IV. С. 349.

⁸ См.: Когуніс 1995: 103–123.

⁹ Кљјаић 2017: 387.

¹⁰ Чалић 2013: 114.

можно считать если не представителем национальной историографии, то, во всяком случае, ретранслятором ее оценок. Аналогичной позиции придерживается Иво Голдштейн, который трактует «хорватский вопрос в обеих Югославиях (межвоенной королевской и послевоенной титовской. — А. С.) как проблему статуса хорватских земель и хорватского народа, которая стояла и в Австро-Венгрии»¹¹.

Фокусировка внимания на одной лишь национально-освободительной стороне вопроса объективно сужает контекст, в котором он рассматривается. Пребывание хорватов в «первой» Югославии во многих работах преподносится аналогично тому, как сербская литература описывает героическую эпоху восстаний против османского владычества (1804–1815). Следствие этого — одностороннее романтизированное представление как о событиях 1920–1930-х годов, так и об их участниках. В середине 1980-х годов американско-хорватский историк Иво Банац (1947–2020) в монографии «Национальный вопрос в Югославии» так сформулировал современный канон почитания «иконы оппозиции сербскому централизму»:

В хорватской истории не было никого, похожего на него <...> Романтик и, все-таки, прагматик, Степан Радич засверкал в хорватском небе подобно великолепному сиянию кометы <...>. Радичевское движение увенчало процесс хорватской национальной консолидации¹².

Последний эпитет — из словаря М.-Ж. Чалич, которая в процитированной работе воспроизвела лик Радича, созданный старшим коллегой: «Сын крестьянина с романтическим отношением к селу», «завершивший процесс национальной интеграции хорватов», «почитаемый ныне как первоборец за хорватскую независимость»¹³. Под стать вождю — его организация, которая «взяла на вооружение справедливость и право <...>. И в этом был ее авторитет и движущая сила».

Тезис о том, что Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП) больше, чем просто партия, а достижения ее экстраординарны, получил широкое распространение. Тому свидетельством — статья

¹¹ Goldstein 2017: 115.

¹² Banac 1995: 185–186.

¹³ Чалић 2013: 111–112, 114.

специалиста по XIX в. Никши Станчича, тоже полагавшего, что Хорватская крестьянская партия «в югославянском государстве переросла в хорватское национальное движение»¹⁴.

Что касается современной сербской историографии, то ее определение хорватского вопроса совпадает с вышеприведенным зеленинским. Тот, разумеется, есть вопрос статуса территорий/населения, но, в первую очередь, проблема межнациональных отношений и их воздействия на судьбу страны. Показательна работа Горана Милорадовича, посвященная их остроте во второй половине 1930-х годов. Не расширявая значение рассматриваемого словосочетания, автор использовал его пять раз. При этом не приходится сомневаться в смысле, который в него вкладывается, так как статья начинается со следующей констатации: «Отношения сербов и хорватов представляли собой ключевой фактор возникновения, существования и распада югославского государства»¹⁵.

Примером того, как современная сербская историография воспринимает интересующий нас феномен, также может служить книга британского историка сербского происхождения Деяна Джокича:

Хорватский вопрос понимается как отказ большинства хорватов полностью принять централистские институты югославского государства, что выразилось в упорных усилиях добиться для Хорватии широкой автономии или даже статуса государства в государстве. Полемика по конституционному вопросу <...> в конце концов превратилась в сербско-хорватский конфликт. Эта полемика наложила отпечаток на весь межвоенный период и стала центральным сюжетом политической борьбы в королевской Югославии¹⁶.

Итак, хорватский вопрос это, по сути, сербско-хорватский вопрос, как, собственно, и называется книга.

«Хорватский вопрос — ключевая проблема Югославии», — так названа глава многотомной монографии Васы Казимировича. И если Банац появление Радича-политика уподоблял восходу Вифлеемской звезды, то сербский автор видел в нем отнюдь не божий промысел. Суть «проблемы» — в «изначальной несогласии с тем, что Хорватия

¹⁴ Stančić 2006: 20.

¹⁵ Милорадовић 2020: 11.

¹⁶ Đokić 2010: 25.

вообще оказалась в одном государстве с сербами», вследствие чего «хорватский народ оформился в единое национальное движение, главной чертой которого стал сепаратизм <...>. Настаивая на отделении от сербов и Югославии, хорватские националисты готовы были объединиться с самим дьяволом»¹⁷.

Как мы видим, некоторых сербских авторов с их хорватскими коллегами сближает не только патетический стиль и евангельские аллюзии, но и склонность к отождествлению всего хорватского народа с радичевской партией. Аналогичным образом оцениваются и сербские политики, что видно на примере книги Джордже Станковича, посвященной «отношению Николы Пашича (1845–1926) к хорватскому вопросу»¹⁸ и лично к Радичу. Картину обыденности происшедшего на политической сцене Югославии в 1918–1924 гг. — торга, взаимной диффамации, блефа, невыполненных угроз и договоренностей — венчает временный отъезд из страны лидера ХРКП (Хорватская республиканская крестьянская партия), надеявшегося заручиться поддержкой европейских держав. Это, как показало время, отнюдь не судьбоносное событие якобы «подвело черту под целым периодом в истории сербско-хорватских отношений, в течение которого была окончательно сформулирована хорватская национальная программа»: а именно: «моральная и политическая дискредитация Сербии <...>, политическое разрушение сербского фронта и тотальная гомогенизация хорватского народа». Все это записано на счет «германофила и сербофоба Степана Радича, который боролся всеми средствами за свои узкие интересы, как и большинство хорватского народа. Будучи неизменным врагом сербов, потерпев поражение в недавней войне, они (хорваты. — А. С.) это делали самым бессовестным образом».

Противостоял им, по словам автора, Н. Пашич, который

защищал единство государства и его целостность, то есть интерес целого ради национального интереса всего *сербского народа* (курсив мой. — А. С.) <...>. Он отверг Радича, ибо не хотел допустить унижения сербского народа. А мгла уже начала сгущаться над Югославией, в то время как сербский народ уже вступил в эпоху своей национальной демобилизации.

¹⁷ Казимировић 1995: 565–566.

¹⁸ Станковић 1995: 9, 322–323.

«Национальное движение», «национальная консолидация» и «(де)мобилизация», «тотальная гомогенизация» и т. д. — подобные ярлыки, навешиваемые на Радича, больше порождают вопросов, чем проясняют что-либо. Можно ли считать «национальным движением» партию, выражавшую интересы лишь одного сословия, хоть и самого многочисленного? Разделять убежденность Банаца, Чалич и Станковича мешает аргументация историка менее пристрастного и более основательного в своих суждениях. А именно, хорватского академика Любо Бобана, по словам которого, только с середины 1930-х годов «партийное руководство оказалось перед дилеммой: остаться в пропорциях партии или раствориться в широком фронте, движении, возглавив его и определив его ориентацию». Выбрав второе, — утверждал Бобан, — «ХКП стремительно теряла прежний облик крестьянской партии»¹⁹.

Кроме того, следует ли все прочие влиятельные югославские партии тоже считать «национальными движениями»? Ведь и они успешно использовали комбинацию лозунгов, — националистических, религиозных и эгалитаристских, — дабы выступать от имени той или иной компактно проживающей этноконфессиональной группы.

Наконец, если партии суть «народные движения», как оценивать идеологическую непоследовательность и склонность к созданию неожиданных альянсов, присущие ХРКП, НРП и остальным? Либо эти качества соответствовали аналогичному непостоянству масс, либо партийные бонзы иной раз руководствовались не народными устремлениями, более-менее устойчивыми, а побуждениями личными и своих организаций?

Уязвимость отождествления партийных склок со «спором славян между собою» побуждает избегать широких обобщений о последнем, а также сузить угол рассмотрения хорватского вопроса до феномена политической жизни. Сказанное, однако, не означает, что нельзя проследить связь между ее перипетиями и межнациональными отношениями. Первые служат отражением настроений масс. К сожалению, полнота представлений о них ограничена отсутствием социологических данных, поэтому межпартийную борьбу можно считать основным индикатором остроты сербско-хорватских противоречий. Но не только. Деятельность «народных» организаций являлась и фактором

¹⁹ Boban 1974: 9.

онных. Другими словами, неизвестно — взаимная антипатия двух наиболее многочисленных югославянских народов в большей степени находила выражение в деятельности Радича с Пашичем, или «подогревалась» ею, была ее следствием.

Очевидна взаимосвязь между общественным климатом в Хорватии в 1918–1920 гг. и ростом популярности ХНКП. Превращение «незначительного “большевистского” движения» и «мелкой крестьянской партии, которой не суждено всерьез повлиять на ход событий»²⁰, в главного противника официального Белграда обусловлено ростом крайних настроений, типичным для населения империй, потерпевших поражение в Первой мировой войне. «Массами овладела мораль проигравших. С одной стороны — сторонники Габсбургов. С другой — большевики. Нам пришлось действовать быстро, и потребовался сильный “шлягер”. За республику мы ухватились из-за Вильсона, Америки, Германии, Австрии и Венгрии. Если бы это не сработало, пришлось бы искать что-то другое»²¹, — в 1925 г. Радич описывал рецепт успеха.

«В Югославии, к сожалению, были и победители, и побежденные. И существовала опасность, что побежденные решат, будто их путь к спасению лежит через разрушение государства, построенного победителями»²², — сербский политик леводемократического толка Драголюб Йованович (1895–1977) имел в виду обстоятельства распространения коммунизма, однако сказанное им объясняет и переживания радичевских адептов.

Способности артикулировать весь спектр эмоций потенциального электората, обеспечившей метаморфозу ХНКП, посвящены мои предыдущие работы²³. В этой подчеркнем, что эскалацию общественных противоречий вызвали не только имманентные свойства «побежденных», но и действия «победителей». Процитированный выше А. Янг указал в 1921 г., что «Радич воспользовался общим

²⁰ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence 1906–1941. Zagreb; London: British Academy, 1976. Vol. 2. P. 23; *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji*. S. 68. Первая характеристика — из письма Милана Прибичевича (январь 1919 г.), вторая принадлежит германскому посланнику Фридриху фон Келлеру (октябрь 1920 г.).

²¹ А. Я. Ф. 335. Војислав Јовановић-Марамбо. Фасцикла 6.

²² *Јовановић Д. Политичке успомене*. Београд: Култура, Архив Југославије, 1997. Заноси. I. С. 150.

²³ Силкин 2022.

недовольством в Хорватии сербским правлением»²⁴. Говоря о нем, следует различать курс, собственно, белградского истеблишмента и действия представителя сербского меньшинства в Хорватии Светозара Прибичевича (1875–1936), в 1920–1925 гг. занимавшего посты главы югославского МВД и министерства просвещения. Ему, благодаря той роли, которую он сыграл в конце 1918 г. в объединении Сербии и Государства СХС, а также высочайшему благоволению, долго удавалось монопольно формулировать государственную политику в отношении пречанских областей. Ее практический смысл, помимо удовлетворения личного властолюбия, сводился к упразднению или сокращению автономии Хорватии и Славонии²⁵, существовавшей в венгерской части Двудеиной монархии, инфильтрации областной администрации собственными сторонниками, а также к полицейскому преследованию ХНКП.

Цель последнего состояла не столько в воспрепятствовании деятельности радикальской партии, сколько в подтверждении незаменимости Прибичевича, пусть ценой обострения межэтнических противоречий в Хорватии и усугубления взаимного отчуждения Загреба и Белграда. Так результаты прибичевичевских усилий оценивали даже товарищи по партии, не входившие, однако, в его близкое окружение. Демократ и бывший хорватский бан Томислав Томленович (1877–1945) в июне 1922 г. утверждал:

Теперешняя политика Демократической партии, по-моему, вскоре приведет к кровопролитию в Хорватии, если не к гражданской войне... Распаленные до такой степени страсти позволят окончательно утвердиться “политике железной руки” <...>. Сегодня Прибичевич <...> от имени государства творит такие вещи, которые оскорбляют первостепенные чувства хорватов. <...> Ему хочется крови. Только так он может удержаться²⁶.

Что касается особых полномочий, которые «специалист по Хорватии» Прибичевич получил сразу по провозглашении Югославии, то они объяснялись убежденностью большей части белградского политического бомонда, будто любая автономия регионов и, тем более,

²⁴ *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 44.

²⁵ Janjatović 2002: 20.

²⁶ Ај. Ф. 323. Љ. Давидовић. Кутија 1. Ред. бр. 72.

исторических областей бывшей Австро-Венгрии неминуемо приведет к распаду страны. Подобное представление, объединявшее даже соперников (таких, как Александр Карагеоргиевич, Пашич и Давидович), послужило главным фактором принятия Видовданской конституции (1921 г.). Ее воплощение вскоре описывал Роберт Уильям Сетон-Уотсон (1879–1951): «Сербия пытается административно управлять всем из Белграда, будучи совершенно неспособной справиться с этой задачей»²⁷.

Несогласие пречан с таким злоупотреблением теорией народно-го единства югославян лишь подтверждало в глазах короля и прочих сторонников централизма безальтернативность прибичевичевской тактики «твердой руки, которой надо давить на хорватов»²⁸. Кроме того, в условиях хаоса первых месяцев существования государства многим в Белграде хотелось переложить на другого ответственного за непопулярные решения в отношении присоединенных областей, которые оставались *terra incognita*. Уже цитировавшийся выше Д. Йованович отметил, что после войны радикалы

поступали совсем иначе, чем в Сербии при формировании кабинетов. Раньше они всегда требовали для себя внутренние дела, финансы и внешнюю политику. <...> Сейчас приходилось умиротворять отдельные области, приводить в порядок финансы. <...> Поэтому эти портфели с готовностью уступались демократам, или хорвату [Анте] Трумбичу <...>, когда потребовалось принять тяжелые условия договора в Рапалло. Физические наказания в Хорватии ввел Прибичевич, <...> а обмен [австро-венгерских] крон на динары в пропорции 4/1 также произвел демократ Воя Велькович²⁹.

С рукоприкладством, которое в Хорватии начала практиковать сербская военная администрация с конца 1918 г., связан эпизод, иллюстрирующий, что сербиянцы знали или, скорее, не знали об «освобожденных братьях». По воспоминаниям Д. Йовановича, в 1924 г. профессор Белградского университета и диссидент Радикальной партии Драголюб Аранджелович прибыл в Загреб для переговоров с Радичем: «Защищая сербов от обвинений в палочных наказаниях, он сказал, что венгры колотили хорватов веками, но те выдержали.

²⁷ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 96.

²⁸ *Московљевић М.* Дневник 1916–1968 / приредио др М. Исић. Београд: Институт за новију историју Србије, 2018. II. С. 179.

²⁹ *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 156.

Пускай немного и от сербов потерпят». Председатель ХРКП на это ответил, что и «малые дети на селе знают, что это неправда»³⁰.

В середине 1920-х годов еще одно свидетельство неосведомленности белградцев об истории и традициях хорватов оставил Момчило Иванич — соратник заместителя главы Радикальной партии Стояна Протича (1857–1923). Осенью 1921 г. он сопровождал в Загреб шефа, первым решившегося на диалог с Радичем. Обоих радикалов удивило, что их собеседник, обсуждая гипотетический статус Хорватии в Югославии, настаивает на сохранении в том или ином виде автономии «Королевства Далмации, Хорватии и Славонии». Высокий гость из Белграда, ничего не знавший об этом виртуальном, но значимом элементе хорватского исторического и государственного права, попросил помощника «разузнать, откуда у хорватов подобная иллюзия». Тот, будучи не в курсе, что формальный статус «Троедницы» зафиксирован в Хорватско-венгерском соглашении 1868 г., ответил шефу:

Габсбурги умели их [хорватов] обманывать, поэтому в указах их так писалось. Например, указ об основании университета начинается следующим образом: «Принятая Сабором Королевства Далмации, Хорватии и Славонии статья закона об основании Университета Франца-Иосифа в Загребе»³¹.

Что касается 25 палочных ударов, которые назначались за «оскорбление короля или пропаганду республики», то они, по мнению Д. Йовановича, «всерьез подорвали в Хорватии авторитет монархии»³². О прочих нюансах «сербского правления» рассказывают другие осведомленные современники, как, например, сербский посланник в Лондоне Йован М. Йованович-Пижон (1869–1939):

- 13 апреля 1919 г.* Власти нет, а та, что есть, ни к чему не годна или бесцельна (воровство на железных дорогах, взяточничество, продажа чиновниками своих услуг).
- 26 мая 1919 г.* Народ в Хорватии за Королевство [СХС]. Не умеют с ним обращаться — ни правительство, ни регент.
- 20 июня 1919 г.* Власти наши очень скверные.

³⁰ Там же. С. 219.

³¹ АЈ. Ф. 323. Љ. Давидовић. Кутија 1. Ред. бр. 109.

³² *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 144.

- 13 июля
1919 г. Хорваты проявляют недовольство, так как сербы хотят их сербизировать (аресты, рукоприкладство, насильственные меры, административные постановления на кириллице) <...> Партия Радича сильна, но он человек несерьезный. <...> Республиканское движение — больше оппозиция сегодняшнему режиму, чем выражение чувств и мыслей народа в Хорватии
- 9 августа
1919 г. Чиновничество сербское дрянное и продажное. Порядка нет. Из-за этого, а также из-за рукоприкладства будем добиваться областного самоуправления и автономии. Мы не согласны на плохое, раз привыкли к хорошему³³.

В качестве резюме к этим «вестям с нашей стороны», которые дипломату сообщали заезжие соотечественники (Иван Мештрович, Йосип Смодлака и др.), приведу наблюдение, сделанное посланником Келлером в октябре 1920 г. на основе бесед с «непристрастными людьми»:

От них приходилось слышать о ненависти хорватов к сербам. <...> Похоже, что всю страну охватило горькое разочарование из-за того, что дела здесь не идут, как положено. Сегодня это жалобы на неспособность чиновников администрации и на коррумпированность полиции, завтра недовольство <...> запущенным состоянием железных дорог или дезорганизацией таможенной службы. Если к этому добавить <...> растущую дороговизну и увеличивающееся налоговое бремя <...>, можно прийти к выводу, что <...> это не тот народ, который радостно консолидируется во имя совместной работы³⁴.

Политика «победителей» — злонамеренная или просто ошибочная — облегчала ХНКП задачу расширения базы поддержки. Причем даже в тех областях, где идеология югославизма изначально находила отклик у хорватов. В январе 1923 г. Томленович в письме Любомиру Давидовичу (1863–1940) оценил развитие ситуации в Далмации:

Измученный и изголодавшийся край взяли под прицел своих предвыборных оргий радикалы <...>. Параллельно с этим против этого народа с присущим ему югославянским сознанием выступает клика С. Прибичевича. <...> Обеим этим акциям — одна цель: вызвать реакцию, <...> дабы большая часть масс перешла к Радичу. То есть на горизонте просматривается тот же процесс, который, благодаря усилиям г. Прибичевича, уже давно состоялся в остальных частях Хорватии³⁵.

³³ Јовановић Пижон Ј. М. Дневник (1896–1920). Нови Сад; Београд: ИК Прометеј; РТС; Архив Југославије, 2015. С. 581, 586, 596, 602, 610.

³⁴ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 69–70.*

³⁵ АЈ. Ф. 323. Кутија 1. Ред. бр. 77.

Рост популярности партии находился в прямой зависимости от жесткости репрессий, которым она подвергалась. Забегая вперед, приведем высказывание функционера ХРКП Ивана Пернара (1889–1967) в связи с состоявшимся в 1925 г. арестом Радича и формальным запретом партии, который, однако, не помешал ей в третий раз участвовать в парламентских выборах: «Мы спокойно ожидаем репрессий, которые нам только на пользу. Агитация запрещена, однако она и не нужна нам, потому что полиция <...> сагитирует за каждого, кого арестует»³⁶.

Возвращаясь в первые годы существования Королевства СХС, укажем, что и большую часть 1920 года Радич провел в тюрьме, откуда накануне выборов в Конституционное собрание вышел по амнистии, подписанной принцем-регентом Александром. Показательная похвала этого решения со стороны посланника Келлера: «Сдержанная позиция властей заслужила одобрение и в определенной степени навредила Радичу, который рассчитывал на какой-нибудь необдуманый шаг»³⁷. Отметим, что в этом отношении председатель ХНКП руководствовался мичуринским принципом «не ждать милостей от природы» и с осени 1918 г. сам подбрасывал дрова в огонь противостояния с официальным Белградом.

Начало было положено в конце ноября 1918 г., когда Радич — единственный из хорватских политиков — выступил против объединения Государства СХС с Сербией. Отказывая в легитимности династии Карагеоргиевичей и не признавая Югославии, ХНКП не отправила своих делегатов во Временное народное представительство (ВНП — 1919–1920 гг.). Несмотря на участие в выборах, партия проигнорировала Конституционное собрание (1920–1921 гг.), что, по оценке трезвомыслящих современников, имело пагубные последствия, прежде всего, для самой Хорватии. Бывший председатель Югославянского комитета Анте Трумбич (1864–1938) возлагал на Радича вину за принятие Видовданской конституции³⁸, а Р. У. Сетон-Уотсон

³⁶ *Димитријевић М.* Ми и Хрвати. Хрватско питање. 1914–1939. Споразум са Хрватима. Београд: Привредник, 1939. С. 154.

³⁷ *Acramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 72.

³⁸ «Трагедия началась после 29 ноября 1920 г. — после выборов в Конституционное собрание, на которых Радич получил 52 депутатских мандата (на самом деле 50 мест. — А.С.). Эти депутаты были обязаны участвовать в принятии решения: станет наше государство централистским, или федералистским. От них зависела судьба

сравнил депутатов, отказывавшихся участвовать в работе парламента, с «детьми, которые дуются, стоя в углу». «Единственный значимый эффект такой политики», по словам британца, состоял в том, что «худшие элементы продолжают сохранять контроль над ситуацией»³⁹.

Как вызов правящими кругами была воспринята «Конституция нейтральной крестьянской республики Хорватия», опубликованная в мае 1921 г. незадолго до принятия Видовданского устава. Представлявшая собой компендиум партийной пропаганды она содержала ответ на каждый «социальный запрос» хорватских крестьянских масс, ставших благодатной почвой для распространения радикальных идей, классовых и этнических фобий.

Парламентской борьбе партия, изменившая в декабре 1921 г. собственное название с «народной» на «республиканскую», предпочитала обструкцию в хорватских областях решений непризнаваемого государства. В 1919–1921 гг. в активе ХРКП — саботаж уплаты налогов, срыв военного призыва и «продовольственный бойкот городов», также известный как «всеобщая крестьянская стачка». Последняя состоялась в ответ на первый арест Степана Радича в марте 1919 г.

Тактика партии отчасти объяснялась тем, что ее председатель в первые два послевоенных года не допускал, что Хорватия останется в составе Королевства СХС⁴⁰. Достижению ее самостоятельности должны были способствовать усилия по интернационализации хорватского вопроса: вручение призывов о помощи французской военной миссии в Загребе; отправка «мирному конгрессу в Париже, лично в руки американскому президенту Вильсону» петиции, гласившей:

1000-летний хорватский государственный народ всей душой и разом за крестьянскую нейтральную республику в соответствии с международно-признанным правом народов на самоопределение⁴¹.

хорватского народа. Этим депутатам следовало сосредоточить все силы, чтобы не была принята конституция, неприемлемая для нас. А что делает Радич? Он не едет в Белград <...>. Он сидит в Загребе и несет всякую чепуху. Если бы он приехал в Белград, Пашич не смог бы провалить свой проект конституции. <...> Проходило обсуждение в Конституционном комитете, в котором централистский проект Пашича — Прибичевича принят с перевесом только в два голоса. Если бы Радич приехал, <...> то заставил бы Белград и сербов договариваться с хорватами» (*Smith-Pavečić A. Dr. Ante Trumbić. Problemi Hrvatsko-Srpskih odnosa*. München: Knjižnica Hrvatske revije, 1959. S. 288).

³⁹ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 97.

⁴⁰ Biondich 2000: 161.

⁴¹ Цит. по: Banac 1995: 196.

В 1919 г. республика виделась Радичу «французским протекторатом», а в следующем году — частью «Дунайской федерации», в которой оказались бы и Австрия с Венгрией. Осуществлению этих планов должна была поспособствовать скорая «большевистская революция в Сербии», в неизбежности которой не приходилось сомневаться.

Внешнеполитические грезы председателя ХРКП выглядели столь же реалистичными, как и описанное в партийной конституции внутреннее устройство «крестьянской республики», свободной от имущественного и социального неравенства, ненужных селянам капиталистических банков, таможенных пошлин, регулярной армии и университетов⁴². Некоторых югославских и сторонних наблюдателей подобные обещания убеждали в «несерьезности» Радича. Сетон-Уотсон признался в переписке, что «не видит его государственным деятелем» (*statesman*) и «опасается, что он так и останется агитатором»⁴³. С этой оценкой в декабре 1920 г. согласился бы и посланник Келлер, который, однако, полагал, что речь шла не о слабости, а о сильной стороне ХРКП и ее лидера:

Партии нет дела до состоятельности ее аргументов с государственно-правовой точки зрения. Ее интересует только их агитационная ударная сила. Партии необходим только удобный предлог, чтобы продемонстрировать неприятие белградского правительства <...>, которое воспринимается в Хорватии как что-то враждебное и угнетательское⁴⁴.

Отнюдь не *statesmanship* обеспечил Радичу впечатляющий результат на вторых парламентских выборах, состоявшихся в марте 1923 г. А именно, в отсутствие какого-либо административного ресурса ХРКП заняла второе место по количеству мест (70, 473 тыс. голосов) после правящей Радикальной партии. Наполовину заслуга этого успеха принадлежала С. Прибичевичу и возглавляемой им фракции ДП, о чем премьеру Пашичу сообщал «областной наместник» Эрнест Чимич:

Состоялись выборы. В Хорватии <...>, радичевцы получили большую часть мандатов. Причиной тому четырехлетнее правление

⁴² Силкин 2022: 226.

⁴³ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 115.

⁴⁴ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji*. S. 71–72.

демократов, которые не чурались насилия и коррупции. Они ввели дурное правление <...>, они навязывали югославянство насильственными методами, принуждая хорватов отречься от своего имени и слепо покориться вождям демократов. Все это вызвало ответную реакцию у хорватов⁴⁵.

Хотя оба антипода действовали в интересах друг друга, неверно было бы ставить их на одну доску. Современники событий, имевшие мало общего, сходились в одном: Прибичевич для достижения собственных целей не остановится ни перед чем. Германский посол в Вене Максимилиан Пфайффер (1875–1926) в марте 1922 г.⁴⁶ и Сетон-Уотсон год спустя писали, что он добивается введения в Хорватии «военной диктатуры»⁴⁷. Белградский информатор Пфайффера, а также Стоян Протич с Драголюбом Йовановичем⁴⁸, находившиеся на разных полюсах политического спектра, делились слухами о подготовке Прибичевичем покушения на Радича. Они не выглядели невероятными с учетом распространенности «македонских приемов в политике», а также того, какие угрозы «специалист по Хорватии» озвучивал в партийной прессе. «Смертную казнь или 20 лет заключения», ссылаясь на Закон о защите государства, он сулил организаторам «радичевских митингов», на которых «велась пропаганда против института армии и вооруженных сил государства»⁴⁹.

Антимилитаристские лозунги, кроме того, что соответствовали настроениям хорватских масс, отражали неприятие Радичем насильственных и революционных методов в политике. «Апостольское служение» (*apostolat*) председатель ХРКП называл единственным путем достижения «рая крестьянской нейтральной и миротворческой республики». Если Прибичевич последовательно шел по пути эскалации, то его оппонент не был чужд компромиссу. Индифферентность Запада к призывам о помощи и стабилизация международного положения Югославии заставили задуматься о будущем Хорватии в ее границах. И хотя поток меморандумов и обращений за границу (к Лиге Наций, участникам Генуэзской конференции и т. д.) не иссяк,

⁴⁵ А. Ж. Ф. 143. Никола Пашић. Фасцикла 1.

⁴⁶ *Avramovski Ž.* Немци о Kraljevini Jugoslaviji. S. 130 (Пфайффер привел донесение «сербского конфиденнта»).

⁴⁷ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 104.

⁴⁸ *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 177.

⁴⁹ *Прибићевић С.* Терор у Хрватској // Правда. Београд, 1923. 10 III.

в 1921–1922 гг. в голове Радича, как пишет Марк Биондич, сложилась «(кон)федералистская концепция»⁵⁰.

Осенью 1921 г. председатель ХРКП заявил Протичу, что Хорватии в составе Королевства СХС требуется «особый статус, аналогичный тому, который имела Бавария в Германском союзе»⁵¹. При этом он «признал, что с самого начала взял на вооружение республиканство как удачный лозунг для привлечения масс», пообещав, что «по вопросу облика государства хорваты никогда не разойдутся с сербами». Увы, дальше разговоров дело не пошло из-за скоропостижной смерти Протича.

О совместном «правительстве народной концентрации» как предпосылке «решения хорватского вопроса — искреннего и устойчивого хорватско-сербского согласия»⁵² — Радич в ноябре 1922 г. написал Л. Давидовичу. В начале 1924 г. хорваты-республиканцы не только образовали Оппозиционный блок (ОБ) вместе со Словенской народной партией, Югославянской мусульманской организацией и ДП, но и с опозданием в три с лишним года прибыли в Белград для участия в работе Народной скупщины. 27 мая депутатские полномочия радичевцев получили подтверждение, и они приняли присягу.

ХРКП, однако, не вошла в правительство ОБ (июль — ноябрь 1924 г.) во главе с Давидовичем, хотя для нее было зарезервировано четыре портфеля. Свое решение Радич объяснял теми же соображениями, что и отказ от приезда в Белград, о котором его просили с 1921 г.:

Я бы приехал <...>, если бы этот режим не вызывал такую неопи-
суюмую ненависть в Хорватии. Пока он существует <...> это вызвало
бы чрезвычайные опасения и упреки со стороны хорватского народа,
который я, согласно его свободной воле, представляю.

Принятие присяги в качестве министра его величества и фактическое признание *status quo* грозило подорвать авторитет Радича в глазах электората, о чем он заявил эмиссарам Давидовича:

Люди, как вы меня не понимаете?! Ну, хорошо, Видовданская кон-
ституция! Ну, хорошо, монархия! Признаю и то, и другое. Дайте

⁵⁰ Biondich 2000: 171.

⁵¹ АЈ. Ф. 323. Кутија 1. Ред. бр. 109.

⁵² Там же. Ред. бр. 74.

только время. Я пять лет втолковываю народу про республику и против монархии. Нельзя внезапно начать говорить противоположное. Позвольте мне полегоньку развернуть телегу. Иначе все поломаётся!⁵³.

Сотрудничество с сербскими политиками, настроенными на достижение «искреннего согласия», обесценивалось постоянным вербальным противостоянием хорватского трибуна с официальным Белградом. Опасения, что компромиссная линия станет диссонировать с настроениями масс, побуждали председателя ХРКП, по выражению Сетона-Уотсона, время от времени «подливать масла в огонь»⁵⁴. В 1923 г. в ходе одного из митингов он назвал ослиами руководителей Радикальной партии, а 14 июля 1923 г. воздал должное двору, многозначительно сравнив существующее государство с Бастилией. Спустя год с небольшим радичевская несдержанность привела к отставке дружественного ему кабинета Давидовича:

В конце концов Радич утратил самообладание <...> и в таких непарламентских выражениях раскритиковал двор и венценосца, что тот сам <...> отправил в отставку Давидовича с его программой соглашения [с хорватами]⁵⁵.

Отчасти заявления, подтверждавшие в глазах сторонников решительность Радича, были вызваны его раздражением от взаимодействия с сербскими радикалами. В отличие от Давидовича, из лучших побуждений пытавшегося вовлечь ХРКП в регулярный парламентский процесс, Н. Пашич руководствовался единственно стремлением к политической гегемонии. Та отождествлялась с интересами отечества, и подобное представление о них обуславливало отношение к любой значимой проблеме. Примером служит избирательный закон, принятый накануне выборов 1923 г. Здравый смысл требовал облегчить прохождение в парламент партиям — носителям наднациональных идеологий, приверженцы которых были разбросаны по всей территории Югославии. В скупщине фракции единомышленников, объединенных югославянскими, либеральными, социал-демократическими

⁵³ *Jovanović D.* Политичке успомене. С. 220.

⁵⁴ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 104.

⁵⁵ *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 233.

ценностями и представляющих разные регионы, служили бы фактором консолидации внутренне разобщенного королевства. Однако, радикалы, движимые «партизанскими» мотивами, приняли закон, ставивший в предпочтительное положение организации, сторонники которых проживали компактными группами в отдельных территориально-избирательных единицах. То есть, в первую очередь, саму НРП, опиравшуюся на голоса сербов довоенной Сербии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, и... ХРКП, о чем Пашичу написал процитированный выше наместник в Хорватии. В результате, по наблюдению фон Келлера, «главной характеристикой выборов стало разделение избирателей по племенам, народностям и конфессиям, а также победа строго национальных партий»⁵⁶.

Вообще, в первой половине 1920-х годов хорватский вопрос с его обострениями/смягчениями заботил радикалов постольку, поскольку он мог повлиять на их способность либо заполучить главные министерские портфели, либо, в лучшем случае, сформировать правительство в одиночку. Показателен эпизод с так называемым Марковым протоколом — тайной сделкой, которую эмиссары Пашича заключили с Радичем в апреле 1923 г. В диссонанс с утверждениями о приверженности внутренней интеграции королевства и сожалениями об «абстиненции» хорватов от законотворчества радикалы просили ХРКП не появляться в скупщине, не нарушать соотношение сил и не мешать им сформировать однопартийный кабинет. Взамен обещалось, что Хорватию не будут дробить на области, как то предусматривала принятая радикалами же конституция. Договоренность осталась невыполненной, так как Пашич вскоре понял, что радичевцы в любом случае не приедут в Белград, опасаясь реакции сторонников. Рассерженный таким вероломством Радич предал соглашение огласке, активизировал сотрудничество с Давидовичем, а за свои высказывания попал под действие Закона о защите государства и был вынужден уехать за границу в июле 1923 г.

Пашичу, после того как он «сжег мосты» с Радичем и дезавуировал умеренный имидж НРП в глазах пречан (созданный усилиями Протича), не оставалось ничего другого, как солидаризироваться с Прибичевичем. Союз с ним позволял сформировать и возглавить кабинет, хоть и не сулил ничего хорошего для межнациональных

⁵⁶ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 167.*

отношений. «Слишком плохо, чтобы быть правдой»⁵⁷, — так прокомментировал создание «правительства П-П» (Пашича и Прибичевича) Сетон-Уотсон. Справедливость оценки подтверждалась тем, что ее разделял и сам глава радикалов, который, однако, оправдывал произошедшее высшими соображениями. Их он изложил старому партийному товарищу Аце Станоевичу (1852–1947) вскоре после выборов 1923 г. В письме, написанном по канонам софистической аргументации, выражалось сожаление, что все больше «оппозиционеров» «присоединяется к точке зрения Радича, требующего ревизию конституции». Необходимость защиты основного закона, гарантировавшего демократию и парламентаризм, поставила радикалов перед простым выбором:

Или мы прибегаем к чрезвычайным мерам, или достигаем некий компромисс с Прибичевичем. То есть с той партией, которая <...> больше, чем кто-либо другой, поспособствовала тому, что страна оказалась в таком [удручающем] положении⁵⁸.

Бессилие Давидовича и прочих лидеров Оппозиционного блока добиться пересмотра Видовданской конституции и «недоговороспособность» радикалов подтолкнули председателя ХРКП к последней попытке интернационализации хорватского вопроса. Находясь в Лондоне с августа по декабрь 1923 г., он предпринял несколько выступлений перед политиками и интеллектуалами, у которых проекты Дунайской федерации и «хорватской республики в границах Югославии» не вызвали сочувствия. По свидетельству Сетон-Уотсона, в ответ оратор слышал «призыв договориться с сербами», а также заверения в том, что «в этой стране никто и ни при каких обстоятельствах не будет вмешиваться во внутренние дела Югославии»⁵⁹. Второй остановкой в европейском турне стала Вена, где Радич пробыл до мая 1924 г. Здесь его также постигла неудача — местные власти не позволили организовать конгресс дискриминируемых национальных меньшинств бывшей Австро-Венгрии. Натолкнувшись на стену равнодушия в западноевропейских столицах, Радич принял руку помощи, протянутую с Востока. В начале июня 1924 г. он

⁵⁷ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 118.

⁵⁸ А. Ј. Ф. 82. Милан Јаковљевић. Фасцикла. 1.

⁵⁹ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 115.

прибыл в СССР, а в конце месяца принял решение о вступлении ХРКП в Крестьянский интернационал.

Поездка в Москву, — «образец полного идиотизма»⁶⁰, как окрестил ее Сетон-Уотсон, — послужила поводом для очередного обострения хорватского вопроса. После отставки Давидовича сменившие его Пашич с Прибичевичем использовали Закон о защите государства для запрета деятельности ХРКП (январь 1925 г.). Председатель, вернувшийся в Королевство СХС еще в августе 1924 г., оказался за решеткой по обвинению в государственной измене, которая заключалась в сотрудничестве с Коминтерном и македонскими сепаратистами. Посланник Франц Ольсхаузен (1872–1962) доложил германскому МИД об отмене всех решений предыдущего кабинета, направленных на «смягчение противоречий» сербиянцев с преचनाми, а также об упразднении восстановленных Давидовичем областных администраций в Загребе, Любляне и Сараеве⁶¹. Все это укладывалось в общий контекст режима П–П, который Д. Йованович называл «самым мрачным периодом нашей послевоенной истории до 6 января 1929 г. «Будучи министром просвещения, — продолжил мемуарист, — Прибичевич разрешил полиции врываться в университет, бить и арестовывать студентов <...>. Это было первое нарушение университетской автономии. Реакция топтала все подряд»⁶².

Германский консул в Загребе объяснил происходившее подготовкой к выборам, назначенным на 8 февраля 1925 г.:

Правительство Пашича — Прибичевича борется всеми балканскими приемами, чтобы обеспечить себе большинство. Ежедневно происходят задержания, а полиция выписывает аресты на срок до дня после выборов. Любой, кто демонстрирует хотя бы минимальное несогласие с правительством, рискует оказаться арестованным⁶³.

В большей степени, чем во временном устранении неудобных, правящие круги были заинтересованы в сознательном обострении внутриюгославских общественно-политических и национальных противоречий. В ходе предвыборной кампании коалиция

⁶⁰ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 126.

⁶¹ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 241.*

⁶² *Јовановић Д. Политичке успомене. С. 210, 230.*

⁶³ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 254.*

НРП — СДП⁶⁴ подпитывала поствоенный ресентимент своих потенциальных сторонников, рассчитывая направить его против всей оппозиции — от Радича до Давидовича. Показательно белградское выступление Пашича перед *Parteigenossen* за неделю до голосования. Выборы названы «последней битвой», в которой радикалы, «ответственные за управление страной и сохранение того, что создано ценной пролитой крови», противостояли Радичу, — «агенту Австро-Венгрии» и «врагу нашей страны», — а также его белградским партнерам, совершавшим двойное «предательство». Первое — самим фактом сотрудничества с Радичем, а второе — намерением произвести ревизию конституции, то есть «нежеланием сохранить государство таким, каким оно создано»⁶⁵.

Мобилизационно-патриотическая риторика радикалов не возымела ожидаемого воздействия на электорат. Не обеспечил должного результата и административный ресурс, которым в Югославии располагало каждое правительство, получавшее от престола мандат на проведение выборов. В новой скупщине Национальный блок, как недвусмысленно назвали свой союз Пашич с Прибичевичем, получил ничтожное большинство в четыре голоса, что позволило Ольсхаузену констатировать очевидное: «Оппозиция [ХРКП и партии ОБ] несомненно добилась бы убедительной победы на абсолютно свободных выборах»⁶⁶. За ХРКП, несмотря на формальный запрет деятельности и тот факт, что в день выборов в тюрьме находилось более двух с половиной тысяч партийных активистов, проголосовало еще больше (545 тыс. голосов, 67 мандатов), чем в 1923 г.

В условиях, когда предвыборное «закручивание гаек» не принесло убедительного преимущества, маятник политики правящих кругов качнулся в противоположную сторону (как еще не раз случится в течение 1930-х годов). А именно, радикалы и двор решили в обмен на признание конституции уступить Радичу все министерские портфели партии Прибичевича, а также подконтрольные ему административные позиции в Хорватии. Помимо сиюминутных обстоятельств,

⁶⁴ В 1924 г. С. Прибичевич вместо со своими сторонниками — сербами из Хорватии — вышел из Демократической партии и образовал Самостоятельную демократическую партию (СДП).

⁶⁵ *Станковић Ђ*. Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника. Београд: Рад, 2007. 2. књига. С. 362–372.

⁶⁶ *Avramovski Ž*. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 256.

эту *change of heart* обусловили результаты запоздалого осмысления межнациональных и межрегиональных отношений, для которого потребовалось шесть лет и три избирательные кампании.

Во-первых, стало ясно, что от Прибичевича больше вреда, чем пользы. Слывя «специалистом по Хорватии», он не мог считаться ее представителем, вследствие чего выглядели безосновательными его властные притязания в столице. Фракции в 20 с небольшим мест, за которую проголосовало сербское национальное меньшинство «Троедницы», не хватало ни для первого, ни для второго. Вскоре после выборов эти резоны германскому посланнику изложили «хорошо осведомленные лица», по словам которых «Пашич и корона полагают, что непомерности фанатика Прибичевича отягощают проведение их собственной политики»⁶⁷.

Вторым выводом с Ольсхаузенем поделился министр иностранных дел Момчило Нинчич (1876–1949), признавший, что «три миллиона сербов, сколько их есть [в Югославии], не могут надеяться обустроить по своему хотению новосозданное государство с населением в 12 миллионов жителей»⁶⁸. К этому «откровению», априорно очевидному европейским наблюдателям или покойному С. Протичу, основная масса радикалов во главе с Пашичем пришла болезненным эмпирическим путем. С начала работы Конституционного собрания они навязывали пречанам свою волю, оправдываясь позаимствованным у Прибичевича тезисом: если мы один народ, то и договариваться нам не о чем, а решающий голос принадлежит наиболее героической его части. В неприятии такого подхода «освобожденными братьями» основная часть белградского политикума удостоверилась только к 1923 г., когда выяснилось, что за радикалов кроме сербов никто голосовать не хочет. Как написал Д. Станкович, «даже самые большие пессимисты в руководстве Радикальной партии не могли предугадать исход выборов 1923 г., а тем более победу Радича, означавшую оформление антицентрализма»⁶⁹. «Этот опыт, — вспоминал молодой функционер НРП Милан Стоядинович, — так повлиял на руководство партии, что в дальнейшем оно решило всю активность посвятить только сербскому электорату, предоставив словенцев словенским

⁶⁷ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 257.*

⁶⁸ *Ibid. S. 262.*

⁶⁹ Станковић 1995: 27.

партиям, а хорватов хорватским»⁷⁰. Кампания 1925 г. стала последней и неудачной попыткой настоять на своем, применив грубую силу, после чего было решено пойти навстречу представителям девяти миллионов «несербов».

Осознание необходимости учитывать их пожелания, впрочем, не означало отказ от «централизма» в пользу «федерализма». Не только в силу неприятия децентрализации как таковой, но и потому что ни до, ни после описываемых событий официальный Белград не демонстрировал способности последовательно воплощать какой бы то ни было принцип государственного устройства. Как мы уже знаем, реализация Видовданской конституции написавшему ее руководству НРП представлялась не более чем предметом политического торга. Весной-летом 1925 г. этот главный «балканский прием» продемонстрировал эффективность в достижении сделки со Степаном Радичем. 27 марта его племянник Павел Радич (1880–1928) в белградской скупщине от имени дяди заявил об отречении партии от республиканства, признании династии Карагеоргиевичей и действующей конституции. 16 июля было сформировано совместное правительство Народной радикальной партии и Хорватской крестьянской партии, лишившейся буквы «р» в аббревиатуре названия. Радичу, вышедшему из тюрьмы два дня спустя, достался прибичевичевский пост министра просвещения.

Покупка лояльности недавнего обвиняемого в государственной измене ценой властных полномочий в центре и на местах расценивалась как окончательное решение «хорватского вопроса»:

Новая коалиция положила конец всем спорам национального характера. Наступил новый период сербскохорватской кооперации на основе союза сильнейшей сербской партии и мощнейшей партии Хорватии. <...> Две главных ветви нашей нации — сербская и хорватская — примирились. Это означает, что хорватский вопрос, как национальный вопрос, больше не существует. <...> Внутренняя ситуация в стране никогда не была лучше, чем сейчас, когда она свободна от каких-либо столкновений национального или конституционного характера⁷¹.

⁷⁰ *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka: Otokar Keršovani, 1970. S. 183.

⁷¹ *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929). Beograd: Ekopres, 1991. S. 260–270.

Если радикалами двигала убежденность, что гарантии стабильности власти и устранение главного внутреннего противоречия зависят от правильного выбора, с кем поделить страну на сферы влияния, то их контрагент в начале 1925 г. руководствовался гораздо более сложными и противоречивыми соображениями. Безучастность Запада подтолкнула его к поиску *modus vivendi* с правящими сербскими кругами. Оправданность такого выбора подтверждалась тем, что именно они, в конце концов, обеспечили Радичу то, что он не смог получить ни от партнеров по Оппозиционному блоку, ни от заграницы. В этом отношении показательно вышеприведенное толкование союза ХКП и НРП идеологом радикалов Л. Марковичем. Еще более красноречиво описание британским посланником Говардом Кеннардом (1878–1955) церемонии встречи официальной чехословацкой делегации на загребском вокзале в 1926 г.:

Радич пробился в первые ряды и прервал приветственные речи встречавших и гостей, вопя, что визит одобрили хорваты, а не югославы. Когда его попросили успокоиться, он ответил: “Кто меня может остановить? Я сам здесь *хозяин* (курсив мой. — А. С.)!”⁷².

Радикалов и двор к признанию этого высокого статуса подтолкнуло не только получение ХРКП полумиллиона с лишним голосов, но и упомянутый московский вояж, столь категорично осужденный Сетоном-Уотсоном. В отличие от него, Радич полагал, что лучший путь к выгодной договоренности — не демонстрация доброй воли, а «повышение ставок» в противостоянии. Обретение союзника в лице России, хоть и советской, произвело нужное впечатление, о чем позволяет судить записка наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, составленная в июле 1924 г.:

Сербы до последней степени напуганы пребыванием Радича в Москве <...>, правительство Пашича в большом волнении обсуждало этот вопрос, и <...> под влиянием сближения Радича с нами <...> решило не объявлять о роспуске этой партии. Узнав об этом, Радич был в восторге. <...>. По-видимому, он считает, что пребывание его в Москве уже одно увеличивает его вес⁷³.

⁷² *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 391.

⁷³ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов / под. ред. Р. П. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2003. Ч. 2. Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. С. 49.

С наркоминделом заочно соглашался германский посланник, месяцем позже получивший «конфиденциальное донесение, согласно которому теперь и старый Пашич <...> сам ищет контактов с крестьянским вождем, с которым до настоящего времени боролся до полного истощения и которого поносил как коммунистического предателя отечества»⁷⁴.

В Белграде, впрочем, тоже придерживались того правила, что потенциального союзника следует предварительно запугать и поставить в невыгодное положение. Поэтому формальный роспуск партии, как мы знаем, состоялся, но снять ее с выборов или аннулировать завоеванные мандаты не посмели. У режима хватило решимости арестовать партийное руководство, однако не тюрьма, знакомая Радичу со студенческих времен, подтолкнула к принятию предложения, которое ему передали эмиссары короля Александра. «Радич и сам в душе был не прочь посотрудничать с Белградом и с монархией, но он хотел, чтобы и его массы дозрели до этого»⁷⁵, — Д. Йованович изложил суть известного нам затруднения, возможность преодолеть которое проявилась, как ни странно, вскоре после избирательной кампании, сопровождавшейся репрессиями в отношении руководства ХРКП.

Как и в случае с антихорватскими настроениями сербов, на которые так рассчитывали радикалы, преувеличенным оказался радикализм хорватских крестьян. Готовые голосовать за партию, ругавшую Белград и обещавшую рай на земле, они не собирались идти ради нее на баррикады. В июле 1925 г. германский посланник с иронией описывал вялую реакцию электората на печальную участь Радича и его соратников:

Случилось чудо: вместо того, чтобы по всей земле хорватской ожесточенно подняться на борьбу с произволом, радичевские крестьяне, с шумного одобрения которых апостол так часто изливал свой рог изобилия, полный критики в адрес сербства, монархии и династии, эти крестьяне остались невозмутимыми, как букашки⁷⁶.

Флегматизм масс, открывшийся не только Ольсхаузену, но и «апостолу», позволил тому не обрекать себя на мученичество, а с минимальными потерями для своей популярности заключить вышеописанное соглашение:

⁷⁴ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji.* S. 223.

⁷⁵ *Jovanović D. Политичке успомене.* С. 231.

⁷⁶ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji.* S. 275.

[Крестьянам] можно было бы, пожав плечами, перешагнуть через него <...>, однако люди последовали за своим посвежевшим и активным вождем, который, и сидя в тюрьме, удержал их в своей деснице⁷⁷.

«Удержание», однако, представляло собой не раз и навсегда достигнутую цель, а ежедневно решаемую приоритетную задачу. Примирение «главных ветвей нации» не устранило фундаментальных причин недовольства пречан центральной властью, ничего не делавшей для обустройства внутренне разобщенного королевства⁷⁸. Поэтому как политик, отдававший предпочтение точно измеряемой популярности перед абстрактными государственными интересами, Радич стремился снять с себя ответственность за официальный курс и максимально дистанцироваться от старшего партнера по коалиции. В результате в течение всего времени ее существования глава ХРКП, занимая министерское кресло, оставался главным критиком сербского истеблишмента. Разница с его поведением в начале 1920-х годов состояла в том, что король перестал быть объектом нападок, а радикалы упрекались, главным образом, не в великосербском гегемонизме, а в коррупции. Подобное неджентльменское поведение эмоционально описал посланник Кеннард в отчете руководству *Foreign Office* за 1926 г.:

Господин Степан Радич — безответственный демагог, нарушающий все обещания лояльно сотрудничать с радикалами. Он беспрестанно создает угрозу положению кабинета, жестоко критикуя зарубежные страны, как, например, Италию, и своих коллег <...>. Весьма непросто определить, какова его конечная цель <...>. Можно было бы предположить, что это распад Королевства. Но все же, несмотря на брань, адресуемую им всем и каждому в Белграде, Радич почти регулярно в публичных выступлениях выказывает преданность королю⁷⁹.

До поры до времени новая/старая тактика оправдывала себя. Гневная реакция Белграда на демагогию безответственного Радича, казалось, позволяла ему поддерживать в глазах сторонников имидж самого себя пятилетней давности. Как писал в октябре

⁷⁷ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 275.*

⁷⁸ Достаточно сказать, что во второй половине 1920-х годов в нем действовало по пять уголовных и налоговых кодексов.

⁷⁹ *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 387.*

1926 г. германский консул в Загребе, «великосербская неуклюжесть <...> помогает ему с легкостью восстанавливать свое падающее влияние на хорватских избирателей»⁸⁰. Конец межеумочному положению ХКП положили областные выборы, впервые с момента основания Югославии состоявшиеся 23 января 1927 г. Подведение итогов зафиксировало падение количества голосов, поданных за партию по сравнению с парламентской кампанией 1925 г. Немедленной реакцией (28 января) стал разрыв коалиции с радикалами, формально мотивированный нарушениями при проведении голосования. Этот шаг, впрочем, не остановил неблагоприятной для ХКП тенденции, которая получила продолжение на выборах в скупщину в сентябре 1927 г. На них за радичевцев проголосовало на 170 тыс. избирателей меньше, чем в 1925 г. Снижение популярности в Хорватии и Далмации усугублялось провалом партии в Сербии, Македонии и Черногории, где ХКП, фигурировавшая в бюллетене как «Народная крестьянская партия», впервые выставила своих кандидатов⁸¹.

Порвав с радикалами, «хозяин» Хорватии в течение нескольких месяцев тщетно пытался заручиться поддержкой сербской Земледельческой партии и реанимировать прежние отношения с Л. Давидовичем. Однако тот едва ли мог забыть, как в 1924 г. Радич отказал ему в просьбе принять присягу на конституции, чтобы поучаствовать в правительстве Оппозиционного блока, но сделал это в следующем году под давлением двора и радикалов. Общее недоверие, которое испытывали к главе ХКП несостоявшиеся союзники, выразил в дневнике 23 декабря 1927 г. «земледелец» Милош Московлевич (1884–1968):

У всех нас сложилось впечатление, что между нами и ХКП нет никакой разницы, кроме способа выражения и объяснения своей позиции. Беда только в том, что Радич способен на какие угодно тактические метаморфозы⁸².

⁸⁰ *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 301.

⁸¹ Отчасти неудача в восточных областях страны объяснялась грубым противодействием, которое радичевцам оказывали местные прорадикально настроенные власти. В этом, однако, не было ничего антихорватского, так как в Сербии с XIX в. любая избирательная кампания сопровождалась насилием и кровавыми столкновениями соперничавших партий и их сторонников.

⁸² *Московљевић М.* Дневник. С. 428.

В конце концов, из всех оппозиционеров готовность сотрудничать с ним выразил один... Светозар Прибичевич. 10 ноября 1927 г. была сформирована Крестьянско-демократическая коалиция (КДК) в составе ХКП и СДП.

Для современников это событие стало сенсацией, что неудивительно. Еще в январе СДП хвалилась перед избирателями, что «загнала в нору Степана Радича»⁸³. А все потому, что это необходимо для существования государства, во имя которого принесены такие жертвы»⁸⁴. Впрочем, неожиданный альянс образовался не без веских причин личного и общего характера. Прибичевичу как руководителю небольшой «племенной» партии, чей потолок популярности составлял 22 мандата, было необходимо обрести мощного партнера, который вернул бы его в число влиятельных фигур. Возможность отомстить радикалам, изгнавшим его из «рая» в 1925 г., стоила того, чтобы наступить на горло собственной песне и ответить взаимностью Радичу. Тому объединение с партией сербского меньшинства позволяло выступать от имени всего населения Хорватии. В этом имелась особая потребность, потому что параллельно со снижением популярности ХКП на хорватской политической сцене появилась новая сила, обвинявшая ее в предательстве национальных интересов, — Хорватский блок в составе малочисленных, но громкоголосых Хорватской федералистской крестьянской партии и Хорватской партии права. Крестьянско-демократической коалиции предстояло стать единственным безальтернативным «представителем Хорватии», независимым от конкурентов у себя на родине и, что важнее, от капризов и изменчивых предпочтений правящей сербской верхушки.

Что касается общей логики создания Крестьянско-демократической коалиции, то неслучайно не нашлось желающих образовать союз ни с одним из ее лидеров. После смерти Пашича в конце 1926 г. те выделялись на фоне прочих умеренных партийных руководителей. Никто кроме Радича с Прибичевичем не был готов к изменению своего прежнего курса на 180 градусов из тактических соображений или к сознательному обострению общественных противоречий для мобилизации потенциальных сторонников.

⁸³ Аллюзия на то, что в 1925 г. Радич перед арестом прятался в тайном убежище без окон и дверей.

⁸⁴ АЈ. Ф. 14. МУП. Фасцикла 22. 413.

Мотивы вождей — Радича, Пашича и Прибичевича, соревнующихся в прыжках *salto mortale*, в результате которых они переходят от прежней жесточайшей вражды и принципиальных противоречий к дружбе и пьяному угару сегодняшней коалиции <...>, — сводятся к единому знаменателю — к жажде могущества и желанию дорвать-ся до кормушки⁸⁵.

Согласимся с мнением германского консула в Загребе Зайлера с той оговоркой, что для упомянутых «пассионариев» приоритетом были не материальные блага, а именно влияние. Для Пашича оно было тождественно премьерской должности и большинству в скупшине, а для двух остальных, по большей части обретавшихся в оппозиции, — способности в случае несговорчивости власти предрержащей вызвать кризис политической системы (разумеется, «несправедливо» устроенной), а также осуществить возмездие врагам.

С конца 1927 г. правительственной коалиции, составленной из лояльных лично монарху представителей всех остальных скупщинских партий, КДК предьявляла широкий спектр претензий — от коррупции и нарушения прав заключенных в белградских тюрьмах до подписания Неттунских соглашений с Италией. Как и в прежние годы, основную выгоду Радич с Прибичевичем извлекали из спекуляции реальными и мнимыми разногласиями государственного центра и регионов. Широкие возможности в этом отношении открывало сохранявшееся неравноправие пречанских областей с Сербией, особенно в вопросах налогообложения. В отдельных выступлениях деятелей коалиции, прозванной «пречанским фронтом», раздавались требования административного объединения Хорватии с Далмацией и даже ревизии Видовданской конституции.

Многие современники отказывали оппозиционному дуэту в праве обличать общественные язвы:

Во время своего пагубного пребывания в правительстве они сами в значительной степени заложили основу сегодняшней ситуации, в связи с которой они произносят патетические речи и грозят повести в бой легионы пречан⁸⁶.

⁸⁵ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 325.*

⁸⁶ *Ibidem.*

С германским консулом в Загребе Зайлером соглашался Сетон-Уотсон: «В чем польза того, что такие люди, как Радич и Прибичевич, возлагают на Сербию всю вину за настоящее прискорбное положение, когда ясно, что действующей централистской конституции и власти белградской клики не было бы, если бы не абстиненция первого и фанатичное супер-сербство второго?»⁸⁷.

Неубедительность праведного гнева компенсировалась «обострением до крайности борьбы в парламенте», которую оппозиционный дуэт анонсировал в январе 1928 г. В течение первого полугодия КДК пыталась дискредитировать и парализовать скупщину с помощью, как писала партийная пресса, «некоторых в западной демократии уже опробованных средств»⁸⁸. Таковыми стали призывы назначить премьер-министром отставного генерала, а не представителя одной из партий, бойкот заседаний фракцией КДК, угрозы «навсегда» уехать из Белграда и, наконец, физическое воспрепятствование работе скупщины.

В мае-июне 1928 г. фракция Радича и Прибичевича <...> устроила бешеную обструкцию в Народной скупщине, походившую в тот момент на деревенскую пивную, в которой народные избранники ругаются самыми грязными уличными ругательствами, грозят друг другу, или даже дерутся⁸⁹.

По воспоминаниям Светислава Милосавлевича (1882–1960), употребление «опробованных средств» ожидаемо вызвало в Белграде не такую реакцию, как в Палате общин.

Аналогично Прибичевичу в бытность его министром внутренних дел, противникам КДК тоже приходила в голову идея заработать очки, суля физическую расправу «врагам государства, за которое столько крови пролито». Одного из таких — радикала-черногорца Пунишу Рачича (1886–1944) — Прибичевич 20 июня во время очередной перепалки пытался осадить фразой: «Хотите, чтобы и в Лондоне услышали, что здесь угрожают оружием?!». Увы, пристыдить бывшего четника, приходившего в зал заседаний с пистолетом, не удалось. Спустя несколько минут он открыл стрельбу по радичевцам, убив

⁸⁷ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 171.

⁸⁸ Цит. по: Gligorijević 1979: 255.

⁸⁹ АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 105.

двоих и ранив столько же, включая Радича. 8 августа 1928 г. тот скончался в результате осложнения от полученного ранения, а за неделю до этого КДК на заседании в Загребе заявила о нелегитимности белградской скупщины, непризнании государственного устройства и Видовданской конституции, принятой исключительно для утверждения «гегемонии Королевства Сербия». Этой резолюцией ХКП, по формулировке М. Биондича, «совершила полный круг, вернувшись к своей позиции непосредственно после объединения»⁹⁰.

Убийство руководителей ХКП в белградской скупщине фатальным образом сказалось на всех аспектах сербско-хорватских отношений во втором десятилетии существования Королевства СХС/Югославия. Подводя итоги развития хорватского вопроса в 1918–1928 гг., обратимся еще раз к обстоятельствам возникновения КДК. Ее создатели заработали популярность в первые месяцы и годы после образования Югославии, апеллируя к «сербско-хорватскому антагонизму», что не помешало им внезапно отречься от прежних лозунгов и начать педалировать общность интересов хорватов и сербов-пречан. Произошедшее во многом напоминало создание коалиции радикалов и радичевцев в 1925 г., когда состоялось «примирение двух основных ветвей нации». В обоих случаях чувства, предположительно испытываемые югославянами друг к другу, не могли измениться в одночасье. Из этого следует, что деятельность партий, которые некоторые историки называют «народными движениями», едва ли правильно считать объективным отражением межнациональных отношений. Соответственно, пропаганду и часто конфликтное взаимодействие наших героев — канву событий, единственно доступную исследователям хорватского вопроса, — неверно называть «хорватско-сербским спором», «отношениями сербов и хорватов», «сербско-хорватским конфликтом», «сербско-хорватскими противоречиями» и т. д.

Политическая сущность хорватского вопроса — в эксплуатации взаимных фобий двух наиболее многочисленных народов страны партийными деятелями, которые в зависимости от сиюминутных интересов могли их либо «подогреть», либо постараться приглушить. Впрочем, примирительные шаги давались гораздо тяжелее, чем повышение ставок в противостоянии, так как «обогнать» радикализм масс было гораздо безопаснее для популярности, чем «отстать» от него.

⁹⁰ Biondich 2000: 241.

Поэтому интенсивность неприязни сербов и хорватов уступала ожесточенности противостояния их представителей. Подтверждением тому — сам факт заключения неожиданных альянсов в 1925 и 1927 гг. Те не состоялись бы, если бы не уверенность заинтересованных сторон, что массы, как говорил Драголюб Йованович, «дозрели» и готовы принять в качестве союзника вчерашнего «врага хорватов» или «проавстрийца»/«врага государства».

Список сокращений

АСАНУ — Архив Српске академије наука и уметности
ВНП — Временное народное представительство
КДК — Крестьянско-демократическая коалиция
Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев
НРП — Народная радикальная партия
ОБ — Оппозиционный блок
СДП — Самостоятельная демократическая партия
ХНКП — Хорватская народная крестьянская партия
ХРКП — Хорватская республиканская крестьянская партия
АЈ — Архив Југославије, Београд

Литература

- Зеленин 1984 — *Зеленин В.В.* Некоторые аспекты становления и кризиса представительной системы Королевства сербов, хорватов и словенцев // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. М.: Наука, 1984. С. 65–79.
- Казимировић 1995 — *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац: Призма, 1995. Књ 2. 698 с.
- Милорадовић 2020 — *Милорадовић Г.* Хрватски “Рашомон”: југословенска штампа о покољу у Керестинцу 16. априла 1936. године // Токови историје. 2020. № 1. С. 11–46. DOI: 10.31212/tokovi.2020.1.mil.11-46.
- Силкин 2022 — *Силкин А.А.* Образ власти в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921) // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 223–245. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.9.
- Станковић 1995 — *Станковић Ђ.* Никола Пашић и хрвати. Београд: БИГЗ, 1995. 503 с.
- Чалић 2013 — *Чалић М-Ж.* Историја Југославије у XX веку. Београд: Клио, 2013. 490 с.

- Banac 1995 — *Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika*. Zagreb: Durieux, 1995. 376 p.
- Biondich 2000 — *Biondich M. Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904–1928*. Toronto: University of Toronto Press, 2000. 368 p.
- Boban 1974 — *Boban Lj. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke. 1928–1941*. Zagreb: Liber, 1974. Knj. 1. 483 s.
- Dokić 2010 — *Dokić D. Nedostižni kompromis: srpsko-hrvatsko pitanje u međuratnoj Jugoslaviji*. Beograd: Fabrika knjiga, 2010. 364 str.
- Gligorijević 1979 — *Gligorijević B. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1979. 420 s.
- Goldstein 2017 — *Goldstein I. Suprotstavljanje centralizmu // Jugoslavija u istorijskoj perspektivi*. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2017. S. 115–148.
- Janjatović 2002 — *Janjatović B. Politički teror u Hrvatskoj 1918.–1935*. Zagreb: Dom i svijet; Hrvatski institut za povijest, 2002. 358 s.
- Kljaić 2017 — *Kljaić S. Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929.–1945.)*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2017. 436 s.
- Korunić 1995 — *Korunić P. Hrvatsko pitanje 1860./1861. godine // Časopis za savremenu povijest*. 1995. Vol. 27. № 1. S. 103–123.
- Stančić 2006 — *Stančić N. Hrvatska nacionalna integracija u 19. i 20. stoljeću: ritmovi, ideologija, politika // Hrvatska politika u XX stoljeću / vyd. L. Antić*. Zagreb, Matica Hrvatska, 2006. S. 9–34.

References

- Banac, I., 1995. *Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika*. Zagreb: Durieux, 376 p.
- Biondich, M., 2000. *Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the politics of mass mobilization, 1904–1928*. University of Toronto Press Incorporated, 368 p.
- Boban, Lj., 1974. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke. 1928–1941*, II, Zagreb: Liber, 479 p.
- Čalić, M-Ž., 2013. *Istorija Jugoslavije u XX veku*. Beograd: Klio, 490 p. (in Serb.)
- Dokić, D., 2010. *Nedostižni kompromis: srpsko-hrvatsko pitanje u međuratnoj Jugoslaviji*. Beograd: Fabrika knjiga, 364 p.
- Gligorijević, B., 1979. *Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 420 p.
- Goldstein, I., 2017. Suprotstavljanje centralizmu. In: *Jugoslavija u istorijskoj perspektivi*. Belgrade: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, pp. 115–148.
- Janjatović, B., 2002. *Politički teror u Hrvatskoj 1918.–1935*. Zagreb: Dom i svijet; Hrvatski institut za povijest, 358 p.

- Kazimirović, V., 1995. *Srbija i Jugoslavija 1914–1945*, 2. Kragujevac: Prizma, 698 p. (in Serb.)
- Kljaić, S., 2017. *Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929.–1945.)*. Zagreb, Hrvatski institut za povijest, 436 p.
- Korunić, P., 1995. Hrvatsko pitanje 1860./1861. godine. *Časopis za suvremenu povijest*, 27, 1, pp. 103–123.
- Miloradović, G., 2020. Hrvatski “Rašomon”: jugoslovenska štampa o pokolju u Kerestincu 16. aprila 1936. godine. *Tokovi istorije*, 1, pp. 11–46. doi: 10.31212/tokovi.2020.1.mil.11-46. (in Serb.)
- Silkin, A. A., 2022. Obraz vlasti v “Konstitutsii neutral’noi krest’ianskoj respublikli Khorvatiia” (1921). *Tsentral’noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg: Nestor-Historia, pp. 223–245. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.9. (in Rus.)
- Stančić, N., 2006. Hrvatska nacionalna integracija u 19. i 20. stoljeću: ritmovi, ideologija, politika. In: Antić, L., ed. *Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb, Matrica Hrvatska, pp. 9–34.
- Stanković, Đ., 1995. *Nikola Pašić i hrvati*. Beograd: BIGZ, 503 p. (in Serb.)
- Zelenin, V., 1984. Nekotorye aspekty stanovleniia i krizisa predstavitel’noi sistemy korolevstva serbov, khorvatov i sloventsev [Some aspects the establishment and crisis of the representative system of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes]. In: *Problemy istorii krizisa burzhuaznogo politicheskogo stroia. Strany Tsentral’noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v mezhoennnyi period* [Problems of history of the crisis of the bourgeoisie political system. Countries of Central and South-Eastern Europe in the interwar period]. Moscow: Nauka, pp. 65–79. (in Rus.)

Alexander A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

The Croatian Issue in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. 1918-1929

Russian historians, as well as Serbian and Croatian authors, when speaking about the Croatian question in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, refer to the activities of the Croatian (Republican) Peasant Party, often awarded the epithet “national movement”. No distinction is made between Serbian-Croatian relations, the “Serbian-Croatian conflict” and its interaction with Serbian parties and, above all, with the People’s Radical Party, which is also called the representative of the entire Serbian people. One cannot help but see the vulnerability of such generalisations. If parties are “national movements,” how should we evaluate their ideological inconsistency and tendency to form unexpected alliances? Did these qualities correspond to a similar inconstancy of the masses, or did the party leaders sometimes not pursue the popular aspirations, which were more or less stable, but their personal motives instead? The vulnerability of identifying party conflicts with interethnic contradictions prompts us to narrow the angle of consideration of the Croatian issue to a phenomenon of political life. This does not mean that it is impossible to trace the connection between what was happening in the political arena and interethnic relations. Politics served as a reflection of the mood of the masses. Unfortunately, our understanding of them is limited by the lack of sociological data, so inter-party struggle can be considered the main indicator of the severity of Serbian-Croatian contradictions, but not the only one. The activities of “people’s” organisations were another influence.

Keywords: Stjepan Radić, Svetozar Pribićević, Nikola Pašić, Croatian Republican Peasant Party, Peasant Democratic Coalition, interethnic relations

Received: 3 June 2024

Accepted: 21 July 2024

How to cite: Silkin, A. A., 2024. Khorvatskii vopros v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev. 1918-1929. *Central-European Studies*, 7, pp. 178–214. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.6>.